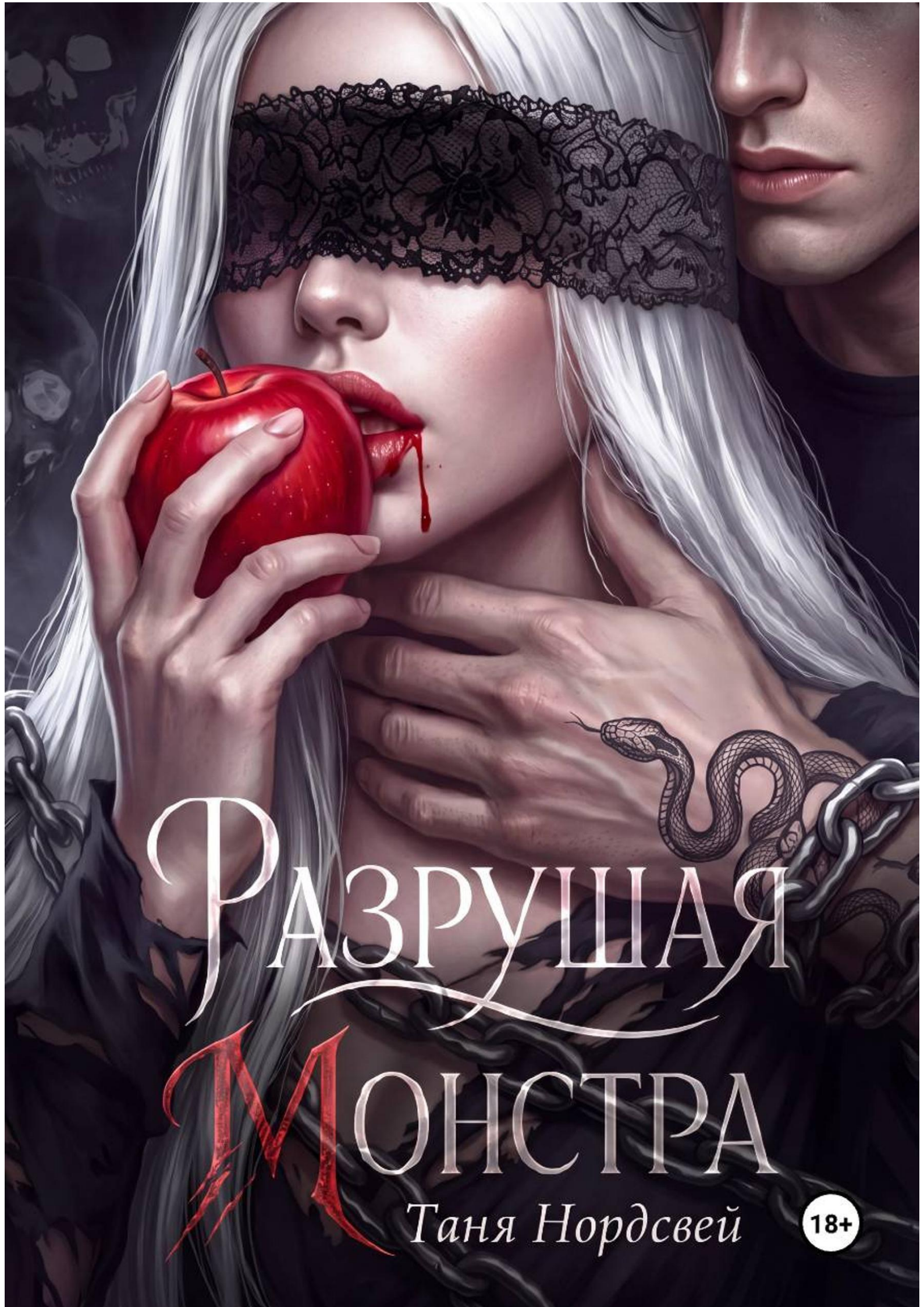

A detailed illustration for a book cover. A woman with long, straight white hair is the central figure. She is blindfolded with a wide, black lace band. She is holding a bright red apple to her lips with her right hand, and a small amount of red liquid is dripping from the corner of her mouth. A man's face is partially visible on the right side of the frame, his lips slightly parted. His hand is placed on the woman's neck. The woman is wearing a dark, possibly black, garment with a high collar. In the background, there are faint, dark silhouettes of skulls. A tattoo of a coiled snake is visible on the man's forearm. The overall mood is dark, sensual, and mysterious.

РАЗРУШАЯ МОНСТРА

Таня Нордсвей

18+

Таня Нордсвей

Разрушая монстра

«Автор»

2026

Нордсвей Т.

Разрушая монстра / Т. Нордсвей — «Автор», 2026

Что, если ваш злейший враг — это ваше единственное спасение? Их союз — ошибка. Их химия — угроза. Их цель — выбраться. Любой ценой. В Меласе Кошмары охотятся на души. Но даже они боятся Саргона — монстра, способного уничтожить весь мир. Когда Рэйна оказывается связана с ним против собственной воли, ненависть между ними быстро превращается во что-то куда более опасное... Вот только чем сильнее их тянет друг к другу, тем страшнее правда: возможно, разрушить монстра куда проще, чем перестать его любить. Первая книга дилогии "Сталь и коварство": мистер и миссис Смит в готических фэнтези-декорациях- побег из мира мертвых- слоуберн-одержимость, от ненависти до разрушающей любви- антагонист-узник, плененный богами- герои с серой моралью

© Нордсвей Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

SHADES - Шейды (неуспокоенные души)	5
Пролог	6
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Таня Нордсвей

Разрушая монстра

SHADES - Шейды (неупокоенные души)

FURLIDES

Фьюри́ты(заклинатели) — ярость;

COURAGELIDES

Коули́ты(бойцы) — хладнокровие;

ASSISTLIDES

Эсили́ты(адепты) — сострадание;

KNOWLEDGELIDES

Ноули́ты(хранители) — изумление;

DUALIDES

Димали́ты(неопределившиеся) — несколько эмоций.

Пролог

Манья — Holidayboy

Яблоневого сада никогда не был таким тихим.

Ветер едва шевелил ветви белых деревьев, и золотые яблоки мягко звенели, касаясь друг друга. Каменные дорожки сада блестели так, словно их только что вымыли дождем, которого давно не было. Ветер приносил запах роз: сладкий и почти удушающий.

Здесь все стало таким противоестественным и непривычным. Именно поэтому Рэйна ненавидела этот сад.

Она стояла у каменного алтаря и смотрела на яблоко в своей ладони. Его кожа мерцала мягким золотом, словно внутри горело маленькое солнце.

За спиной послышались шаги.

Рэйна не обернулась.

В этом мире был только один человек, чьи шаги она всегда узнавала.

— Ты все-таки пришел, — тихо сказала девушка.

— Я надеялся, что успею.

Голос Саргона был низким и напряженным. Он остановился в паре шагах от нее.

— Положи его обратно, Рэйна.

Несколько секунд они молчали. Сад вокруг них был слишком совершенным — слишком чистым, словно мир пытался притвориться, что ничего не происходит. Хотя позади медленно разрушался дворец, ломая их судьбы.

Она тихо усмехнулась.

— Ты всегда был таким прямолинейным.

— А ты всегда любила принимать решения в одиночку.

Рэйна наконец повернулась. И на мгновение все остальное перестало существовать.

Саргон стоял всего в нескольких шагах от нее — высокий, источающий силу, власть и тени, обвивающие его сильное тело. С длинными волосами цвета воронова крыла, со взглядом изумрудных глаз, которые всегда заставляли ее сердце биться быстрее, даже когда она злилась на него.

Рядом с ним она казалась хрупкой, будучи одетой в непривычное для нее простое платье вместо белоснежной брони. Часть ее светлых почти платиновых волос была заплетена в причудливую прическу, а часть струилась локонами до самой ее тонкой талии. Красивые серо-голубые глаза встречались с зеленью его взгляда и вступали в их извечную схватку, даже несмотря на то, что эти двое давно являлись мужем и женой. Вместе они являли тандем стали и коварства. Истинного зла, которое никому кроме себя не причиняли. Любили настолько сильно, что уничтожали друг друга.

Тем временем Саргон посмотрел на золотое яблоко. Потом — на нее.

— Это не игрушка, Рэйна.

Она подняла бровь.

— А что же это?

— Конеч.

Рэйна подбросила яблоко в ладони.

— Конеч чего?

— Всего.

Сад дохнул ветром, и Рэйна шагнула ближе к Саргону.

— Забавно. Я думала, рай с любимым должен быть вечным.

— Он и будет, — ответил мужчина. — Если ты перестанешь пытаться его разрушить.

Рэйна остановилась перед ним всего в нескольких сантиметрах.

— Я? Разрушить? — тихо повторила она. — Напомню, Саргон, это *не* язачила нас в клетку. Разрушила и отобрала все, что мы имели.

Саргон остановился.

— Это не клетка.

Рэйна покачала головой, не соглашаясь.

Он все еще боролся, а она видела в этом огромную и умело расставленную ловушку. И так как их главный враг был слепо влюблен в Саргона, его она как можно меньше пыталась задеть. Чего уж не скажешь о Рэйне и их с Саргоном продолжении...

Поэтому ей приходилось брать ситуацию в свои руки и принимать решения касаясь их семьи. Ведь Рэйна не могла допустить того, чтобы она навредила ее близким.

— Мы ее игрушки. И я больше не могу смотреть, как наши подданные погибают.

— Рэйна, не делай этого.

Она печально улыбнулась, а Саргон резко схватил ее за запястье. Яблоко качнулось в ее руке.

— Хватит.

Ее сердце пропустило удар.

Он стоял слишком близко. Настолько, что она на мгновение ощутила, как ее непоколебимая уверенность дала трещину.

— Ты дрожишь, — прошептала Рэйна очевидный факт, пытаясь сменить тему, чтобы не поддаться на уговоры любимого.

— Потому что ты собираешься совершить глупость.

— Или потому что ты на самом деле не хочешь меня останавливать?

Он ничего не ответил. И она наклонилась ближе.

— Боишься меня, Саргон? Моих решений? Ведь знаешь, что я права и это наш единственный выход. Выбор, который мы с тобой сможем сделать сами, а не по чьей-то указке.

— Да.

Она усмехнулась. И это стало ошибкой. Потому что в следующую секунду Саргон пригнул ее к себе и поцеловал.

Поцелуй был жадным, почти злым. Будто он пытался стереть ее решение и перетянуть ответственность за выбор на себя, не осознавая, что она уже успела обо всем позаботиться заранее. Одного не учла — того, насколько сильную власть он над ней имел.

Рэйна ответила мгновенно. Она всегда отвечала.

Ее пальцы скользнули по его плечам, притягивая ближе. Мир исчез — остались только дыхание, тепло и знакомый вкус его губ. Лишь на мгновение она отстранилась, ее руки уперлись в его сильную грудь, а в их взглядах вспыхнули огонь и противостояние, как бы бросающие вопрос: «Насколько глубока твоя любовь?». И требующая доказать, подчинить, присвоить. А потом Рэйна накрыла его губы своими и принялась терзать их в темном, греховном поцелуе. Сплетая языки в диком танце, напоминающем о том, что именно их свело вместе.

Связь, такая запретная, как манящий плод, который нельзя было вкушать.

Они никогда не должны были оказаться в объятиях друг друга, но их ненависть стояла в одном шаге от пропасти. В нее-то Рэйна и Саргон упали одновременно, познав пучину темных, пугающих чувств.

На плотском уровне они идеально подходили друг другу. А вот внешне являлись совершенной противоположностью — королева света и король тьмы. Его темнота ласкала ее, сворачивала и заставляла стонать в губы, требуя большего.

Он сводил ее с ума. А она лишала его рассудка.

Они были хаосом — самым страшным тандемом, который могли представить. Их действия оказывались импульсивными, несдержанными и ведомыми чувствами. А еще Рэйна и

Саргон любили друг друга настолько сильно, что их связь граничила с обоюдной одержимостью. Тотальной. Всепоглощающей.

Даже сейчас, в этот отчаянный момент, они не могли противиться дикому голоду. Пока руки Саргона шарили по ее телу, столь идеальному для него и желанному, пальцы Рэйны оттягивали его волосы, несдержанно проявляя страсть.

Подтолкнув Рэйну к дереву, он прижал ее к коре спиной и заставил обвить ногами свой торс. Вокруг них сгущалась и перемигивалась звездами тьма, растекаясь тягучим медом в воздухе. Теневые щупальца формировались в призрачные руки, ласкающие каждый миллиметр кожи Рэйны. Она тяжело дышала, запрокидывая голову и подставляя шею и грудь под несдержанные поцелуи мужчины.

— Видишь? — томно прошептала она в перерывах от ласк. — Ты тоже хочешь разрушить этот мир.

— Мне плевать на него. Я хочу спасти тебя.

Когда они наконец оторвались друг от друга, воздух между ними налился тяжестью. Ее взгляд стал мягким.

— Слишком поздно.

Он нахмурился.

— Что это значит?

Рэйна подняла с травы яблоко, выпавшее из ее ладони в тот самый миг, когда она поддалась страсти с Саргоном.

— Если бы я спросила тебя... — девушка тщательно подбирала слова, пытаясь объяснить ему причины своего поступка, — ты бы не позволил мне сделать это.

— Сделать что? — не понял Саргон. А потом вдруг ветер резко усилился и где-то далеко громыхнул гром.

— Мы можем нарушить ход предрешенных за нас событий и спасти то, что осталось, — сказала Рэйна. — Вырваться из ловушки. Она не сможет ничего сделать, и мы переиграем ее.

Имя повисло между ними, так и невысказанное. *Семидея*.

Саргон побледнел, понимая, какую именно переменную Рэйна хочет исключить во благо мира. И резко отрезал:

— Нет.

Рэйна коснулась его лица.

— Я уже сделала свой выбор.

— Рэйна...

Она смотрела на него так, словно пыталась запомнить. Навсегда.

— Береги его.

Саргон замер. Перед его взором словно встало лицо малыша, а потом он замотал головой и вдвое яростнее закричал:

— Нет, Рэйна, не надо!

Но она уже поднесла яблоко к губам.

— Прости.

И укусила.

Мир раскололся надвое: небо разорвала черная трещина. Ветер взвыл, ломая ветви белых деревьев.

Саргон схватил ее за плечи.

— Что ты наделала?!

Но Рэйна смотрела только на него.

— Я освободила нас.

Ветер нещадно трепал ее длинные волосы, столь горячо им любимые, пока он искал в ее глазах хоть какой-то намек на шутку.

Не найдя ответа, он почти умоляюще взмолился над ней:

— Мы найдем другой выход.

— Другого выхода нет, — вдруг за Рэйну сказала появившаяся из ниоткуда девушка с двумя длинными и черными как ночь косами. На ней было черное платье, а в руках она держала золотой серп с костяной рукояткой и длинное копье.

Саргон непонимающе перевел взгляд с появившейся девы на Рэйну и подытожил:

— Она знала.

Разумеется, знала. И Рэйна кивнула, чувствуя тяжесть этой ноши. Но иного пути и правда не существовало.

— Не делай этого, — Саргон попытался вразумить черноволосую, раз Рэйна его не слушала.

Но та ответила печально:

— Прости, Саргон. Все уже предрешиено.

В ее черных глазах отразилась боль Саргона. А потом он обернулся к Рэйне, и она печально ему улыбнулась.

Где-то в небесах уже поднималась буря. Совсем скоро придет расплата за содеянное, а вместе с ним — и черед жертвы Рэйны.

Саргон впервые почувствовал страх. И обнял ее так крепко, словно мог удержать мир от разрушения.

Но он уже чувствовал. Слишком поздно.

Она прошептала, обнимая его в ответ:

— Это правильное решение. Мы спасем наш народ, и он будет жить.

Рэйна свято верила в это, но не подозревала, что он не собирался ее отпускать. Даже видя, как обливающаяся слезами черноволосая девушка заносит над ними копье, он не шелохнулся. И это ее разбивало на куски.

Если Рэйне суждено было погибнуть, то они сделают это вместе, дабы затем переродиться и воссоединиться. Поэтому Саргон лишь крепче сжал Рэйну в своих объятиях, не давая ей вырваться, и прикрыл глаза.

Ведь где-то глубоко внутри он понял еще одну вещь: она с самого начала совершала все выборы не ради власти. Она сделала это **ради него**. И их семьи, которая в этот момент перестала существовать.

Глава 1

Несколько сотен лет и одно перерождение спустя...

Она умерла.

Это было первое, что девушка четко осознала.

Сталь заполняла легкие, и мир медленно гас — как свеча, которую задувает ветер. В металл обращался позвоночник, каменело сердце, стыли мышцы. Но она и не сопротивлялась. Слишком устала. Слишком была зла на мир, который решил ее убить.

Темнота сомкнулась вокруг нее, а потом...

Девушка открыла глаза.

Она лежала на холодных камнях. Над ней тянулось чужое небо — серое, неподвижное, словно нарисованное. Она вдохнула полной грудью, чуя подвох в происходящем. Воздух был странным, слишком сухим. А еще было неестественно тихо.

Сев на камнях, она размяла затекшие кости. Холод, дувший откуда-то позади нее, пробирался под кожу, заставляя ту покрываться мурашками.

— Рэйна! — вдруг раздалось совсем рядом, нарушая могильную тишину этого места, и она резко повернула голову.

На ступенях мрачного готического замка сидела девушка с черными волосами, собранными в две тугие косы, и наблюдала за ней так спокойно, словно каждый день видела, как люди возвращаются к жизни. На ее голове сияла черная корона, а на груди был сложен нагрудник из позолоченных костей. Жутко, но по-своему красиво. И девушка вдруг подумала, что они уже встречались когда-то. Ее черты лица казались ей настолько знакомыми, точно в ней она увидела себя.

— Где я? — спросила она у этой темноглазой красавицы.

В ответ незнакомка улыбнулась, и эта улыбка тоже показалась ей до боли знакомой. Вот только вместо памяти царил пустота: в этом месте будто отрезалось все прошлое и будущее, застывая в вечности.

— Добро пожаловать в Мелас.

В Мир Мертвых. Девушка не удивилась — она знала, что попадет сюда, но не думала, что так скоро.

Тем временем красавица с косами легко поднялась со ступеней и подошла к ней, все еще сидящей на холодных камнях. Затем наклонилась и, откинув платиновую прядь с лица девушки, всмотрелась в ее глаза.

— Вот мы и встретились вновь. Это отлично. Знаешь, я ведь скучала. Но нам снова придется расстаться на время. И ты подожди, пока не встретишь его.

Выходит, она была права, и они с черноволосой действительно знакомы. Но как зовут эту девицу? И если саму ее она назвала Рэйной...

Это имя ей понравилось. Звучало привычно.

— Кого? — непонимающе уточнила Рэйна у незнакомки, сбитая с толку.

Улыбка коронованной особы стала шире. Она помогла девушке подняться на ноги и встать у самого края обрыва, откуда дул ледяной ветер, а внизу чернело огромное озеро. Потом подмигнула Рэйне, чтобы отвлечь ее и самой толкнуть с обрыва, крикнув напоследок:

— Саргона, конечно!

Ветер подхватил это имя и донес до падающей девушки. Она содрогнулась, вспомнив имя лжебога Хаоса, о котором ходило множество ужасных слухов. А пока летела вниз, где ее уже ждало распределение умерших душ, размышляла, где она в жизни так оплошала, что здесь ее будет судить Саргон.

Но она еще не знала, что от судьбы не убежишь. Даже переродившись вновь.

Поэтому прикрыла глаза и, расправив руки, подчинилась воле хозяйки Смерти. Пусть будет так. Даже если за время полета она вновь забудет свое имя, когда будет нужно — вспомнит. Как и зачем ей нужно встретить того, от одного упоминания имени которого ее, казалось бы, замерзшее сердце пропустило удар...

Шум голосов эхом путешествовал по залу, преобразуясь то в ропот, то в стенания, отскакивал от стен и взмывал вверх, пролетая над понурыми головами. Там, в вышине, перемигивалась тьма. Казалось, будто клубящиеся по углам тени несли какую-то свою безмолвную службу и внимательно следили за каждым оказавшимся здесь.

Зал поистине исполинских размеров был полон. Люди жались к обшарпанным стенам, с которых слезла почти вся штукатурка. Некогда красивая лепнина, украшавшая помещение виноградными лозами, с течением времени постепенно разрушалась. Редкие статуи парящих над ними ангелочков лишились носов и пальцев по той же причине. Их лики омывал естественный свет, падающий из огромных панорамных окон. Из них выходили все новые фигуры людей, продолжающие заполнять этот зал.

Молчаливая и безропотная публика.

Большинство лиц ничего не выражало: взгляды остекленели, землистый цвет кожи подчеркивал залегшие под глазами темные круги. Лишь единицы проявляли эмоциональность и рвались вперед, но толпа упорно не давала им пролезть вне очереди. В самом конце виднелся выход, но двери были слишком узки для того, чтобы пропустить всех за один раз. Казалось, людям нет конца и края.

Девушка стояла практически у самой стены в окружении нескольких рослых мужчин, не дававшим никому протиснуться вперед. В попытках хоть что-то разглядеть она крутила головой, да так быстро, что светлые, почти платиновые волосы, струящиеся по плечам, мотались из стороны в сторону. В ее серо-голубых глазах мелькало лишь удивление. Ни капли страха.

Она была одета в простую свободную рубашку и серые штаны. Ее лицо олицетворяло невинность ангела и привлекательность демона, что не могло не притягивать внимания.

Угрюмые мужчины бесстрастно смотрели перед собой, неумолимо оттесняя ее все ближе к выходу. Девушка же пряталась за их спинами, словно за щитом, постоянно озираясь по сторонам. Она оказалась здесь совсем недавно: когда осознала, что больше не летит вниз с огромной высоты, и раскрыла глаза.

Где-то совсем неподалеку прекрасный женский голос запел странную песню:

*— Плету я нить уж сотни лет,
Был таков мой здесь обет.
Сколько ж судеб повидала я
До того, как встретила тебя...*

Девушка вздрогнула и обернулась в попытке найти незнакомку, которой принадлежал голос. Но вокруг простиралось лишь бескрайнее людское море. Тем временем певунья продолжила петь свою песнь, очаровывая столпившихся в чертогах вечности людей.

Толпа постепенно двигалась к выходу. На стенах зала виднелись фрагменты древних разноцветных фресок, изображавших дивный сад с яблонями, отягощенными обилием плодов. Последняя фреска висела прямо над огромными дверьми — выходом из зала. Там были изображены скрещенные мечи. А поверх них, на камне, была высечена фраза: «*Fortunam suam quisque parat*»¹. В этой части помещения еще отчетливее виднелось, насколько обветшали стены и какими древними трещинами были испещрены мраморные полы.

¹ «Свою судьбу каждый находит сам» (лат.)

Песнь незнакомки зазвучала громче:

*— Подойди же поскорей,
Загляни ж ты в свет моих очей,
Знаю, я не красота,
Но внутри прекрасна и мила...*

За спиной девушки раздался шепот голосов, а потом из резных створок дверей впереди вырвался порыв ледяного ветра. Тот заставил ее сильнее закутаться в рубашку, которая ничуть не защищала от холода.

*— Я скажу тебе секрет:
Вижу я душевный свет,
Знаю, что же ждет тебя,
Путь свой выберишь сама.*

Песня оборвалась, и девушка оказалась напротив беззубой старухи. Взглянув на нее чуть пристальнее, она ужаснулась — это была отнюдь не старуха. Время высушило ее тело, но лицо...

Оно осталось молодым и красивым, если не считать отсутствия зубов и пугающие глаза.

Она глядела страшным взором — молодым и вечным, темным и светлым. В глазницах клубилась древняя тьма, что взирала на девушку. Мятые и местами испачканные одежды старухи были бордового цвета, такого насыщенного и неприятного, что вызывали отторжение. На массивном поясе висели кольца, с которых свисали амулеты вперемешку с сушеными травами. В руках она держала золотую плоску, украшенную незнакомыми символами, и кусок ткани.

— Протяни руки, — сказала она девушке тем самым мелодичным голосом, которым пела песню.

Но та даже не шелохнулась, остолебнев от увиденного. Тогда старуха с молодым лицом сама схватила ее руку костлявыми пальцами и окунула в свою плоску с водой.

— Красный — цвет упокоения, черный — перемен, — пела старуха. Ее голос разносился эхом по залу. *— Вижу я душу, знаю ответ. Ты на распутье, два выбора тут. Откликнись на зов, и тебя призовут.*

Дыхание девушки сбилось, перед глазами заплескали круги. Но тут она увидела за старухой два коридора. Два разных пути.

Первый — красный — красивый и ухоженный, будто источал из себя свет. От него исходило спокойствие и тепло. Фруктовые деревья с сочными алыми плодами, изображенные на его стенах, оживали и шелестели листвой. Тот коридор звал в вечное лето и счастье.

Второй — черный — мрачный и сырой. Из него и дул ледяной ветер, что студил кровь в жилах. Он не шептал, а предупреждал и угрожал: стоит ступить в него, как окажешься в лишенной покоя жизни. Черное пламя лизало его стены, поигрывая мраком. Странная смесь двух сил — света и тьмы — удержала девушку в сознании, не давая окончательно остаться без сил.

— Это не жизнь, это даже не смерть, — продолжала старуха свою песнь. *— Пойдешь ты стопами, ведущими в Леть...*

Ничего не изменилось, но в воздухе что-то мелькнуло, и старуха тут же выхватила ее руку из плоски. Сначала девушка увидела свечение, идущее от воды. Затем та окрасилась черным: изнутри будто расплзлось пятно яда, отравляя ее.

Цокнув языком, старуха обмакнула кусок ткани в вязкую воду и прилепила тот чуть ниже плеча девушки. Она было дернулась, но пальцы старухи держали ее крепко, будто заклиная в железные тиски и не давая увернуться. Старуха вылила воду ей на голову, прошептав:

— *Твой путь во тьму к свету. Так иди к нему!*

С этими словами она вырвала сердце из ее груди и толкнула девушку во мрак коридора, где хрупкую фигурку бедняжки тут же поглотила тьма.

Когда она решилась открыть глаза, к ней начала ластиться темнота, точно кошка. Стоило ей это невероятных усилий: казалось, будто еще чуть-чуть, и она рухнет ничком. Обескровленная и опустошенная.

Там, где раньше гулко билось сердце, теперь зияла пустота. И ужасная агония сжигала все органы изнутри.

На три локтя вперед не было видно ничего, но, точно заметив ее усилия, тьма расступилась и позволила ей взглянуть на пролет между этажами. Две лестницы: одна вела вверх, другая — вниз. Обе старые, грязные, запачканные кровью и еще чем-то неприятным. Чем — узнавать не хотелось.

Откуда-то снизу доносился шум реки. Девушка замотала головой, морщась от боли, которая пронизывала ее тело подобно иглам.

Кто она?

Почему здесь находится?

За что ей вырвали сердце?

Вопросы роились в ее голове, затуманивая разум. Она оперлась на стену и откинула мокрые волосы, прилипшие к лицу. Коридора, в который ее пихнула старуха, больше не было. Осталась лишь серая стена, расписанная адским огнем. Девушка тихо выругалась и удивилась странным проклятиям, вылетающим из ее уст.

Она ведь ничего не помнила. Совсем ничего.

Откуда ей было знать бранные слова? Значит, это временно. И она вспомнит. Надо было только решить, куда двигаться дальше.

«Твой путь во тьму к свету», — всплывшие в голове слова старухи вновь заставили ее содрогнуться. Но она нашла в себе силы оттолкнуться от стены и сделать один шаг. Второй отдался болью во всем теле, но она лишь стиснула зубы. Обе лестницы манили, притягивали взгляд, пока за спиной шептались тени.

«*Вниз пойдешь — покой найдешь*», — пели одни.

Девушка окинула взглядом лестницу, ведущую вниз. И хмыкнула.

Спускаться проще, чем подниматься. Но можно оступиться и упасть. Вот и весь покой.

«*Вверх пойдешь — силу обретишь*», — шептали другие.

Холодный ветер продувал ее насквозь, выбивая из легких последние крупинки теплого воздуха. Она посмотрела на вторую лестницу, отметив, что сила ей не нужна. Тени жутко засмеялись, а после окутали ее коконом, не пропускающим холод.

Два пути. Две лестницы. Обе во мраке. Но та, что ведет вниз, не стремится к свету. Остался только путь наверх.

Когда девушка встала на первую ступеньку, темнота рассеялась и показала на лестнице горы трупов. Их остекленевшие глаза смотрели прямо на нее, рты раскрылись в беззвучном крике, словно призывая ее бежать.

Но бежать ей было некуда.

Она застыла на мгновение, будто раздумывая над своим положением. Тьма тут же услужливо показала ей вторую часть лестницы, откуда на нее тоже смотрели своими пустыми глазами мертвые женщины и мужчины. Однако девушка не вскрикнула, а продолжила шагать, огибая тела и двигаясь все выше. Что-то внутри нее откликалось на зов, долетавший откуда-то сверху.

Он манил ее, вбирая всю боль и оставляя лишь несгибаемую волю. Девушка поднималась все выше по лестнице, ведущей в вечность. Проходя инициацию и все дальше уходя от упокоения после смерти, она вступала на опасный путь запертых здесь душ.

Постепенно вокруг нее редели ряды мертвецов, но и подниматься становилось труднее. Каждый шаг отдавался муками, что искажали ее прелестное лицо. Она будто бы сама превращалась в сплошной сгусток страданий и стенаний, движущийся вперед только благодаря упрямству.

Шаг за шагом.

Ступенька за ступенькой.

Пролет за пролетом.

Вскоре лестница стала чуть чище, а тошнотворный запах гниющей плоти и протухшей крови выветрился, оставляя после себя лишь противный запах нечистот. Оказавшись у двери, девушка заметила, что ноги сбились в кровь — свои сапоги она потеряла еще несколько пролетов назад.

Юная красавица дернула за ручку из последних сил и вышла с лестничной площадки. Но тут же замерла увидев то, что никак не ожидала увидеть.

Перед ней раскинулся еще один огромный зал — совсем не похожий на тот, что остался внизу. Здесь не было ни пыли, ни запустения.

Под высокими готическими сводами гулко отражались голоса. Люди проходили мимо нее быстрыми шагами, споря и смеясь. На их предплечьях поблескивали одинаковые металлические браслеты, а на открытой коже многих извивались темные татуировки.

Из каменного пола поднимались массивные колонны и уходили вверх, растворяясь в полумраке под потолком. Между ними стояли тяжелые столы, за которыми сидели парни и девушки, переговариваясь и иногда разражаясь громким смехом.

По стенам тянулись фрески — спокойные пейзажи, тихие долины и зеркальные озера. Уж слишком мирные для этого мертвого места. Полная противоположность тому, что она видела внизу.

В дальнем конце зала начинались ряды каменных трибун, резко обрывающиеся у широкой балюстрады. За ней стояла огромная чаша.

Девушка медленно пошла вперед, пробираясь сквозь толпу, которая будто вовсе ее не замечала.

Дойдя до края, она ухватила за холодный камень перил и осторожно перегнулась через них, стараясь не обращать внимания на внезапное головокружение.

Внизу раскинулось огромное озеро. В него с грохотом падали водопады, разбиваясь о воду серебряной пеной. Поверхность озера бурлила и вздымалась, словно под водой скрывалось что-то живое.

Лазурная гладь манила слишком сильно.

Девушка резко отвела взгляд от воды и отступила от балюстрады. А после увидела лестницу, тянувшуюся вдоль стены из необработанного камня. Она направилась к ней и продолжила свое восхождение, ощущая, будто невидимая нить продолжала тянуть ее вверх. Ее не пугало, что одно неверное движение — и можно было сорваться вниз, в то самое озеро, которое неустанно манило ее к себе. Девушка чувствовала, что может оказаться в воде, только если сама захочет спрыгнуть. И она это обязательно сделает, но не на такой высоте. Ей было необходимо забраться выше.

Мелькали этажи, на которых кишели люди, но ей не было до этого дела. Существовали лишь она да лестница в небеса. Постепенно каменные ступени превратились в стекло, сделав лестницу прозрачной. Отсюда озеро внизу казалось не таким уж и большим.

Девушка перестала рассматривать то, что простиралось под ее ногами, и встретила взглядом с женщиной. Та сидела в кресле прямо напротив нее, держа в руке костяную иглу. Стекло больше не отделяло их друг от друга. Это значило, что она достигла очередного этажа.

Тело женщины было молодым и стройным, но лицо испещряли морщины. Она казалась полной противоположностью той, что была внизу. В ее глазах сиял свет. Женщина приоткрыла рот, полный острых зубов, и улыбнулась. Лишь от одной такой жуткой улыбки можно было умереть, но девушка ничего не почувствовала. Возможно, вместе с сердцем из нее вырвали и страх.

*— Бесстрашие чую в тебе я, дитя,
И вижу возложенный груз.
Преподнесу дар тебе я,
И бремя не убьет, а пробудит тебя.*

С этими словами она выдернула с головы девушки тонкий волос. Вставила его в ушко иглы и вшила в странный узор полотна, что лежало на ее коленях. Волос засветился Лунным светом и переплелся с темной нитью рядом, образуя орнамент луны, окруженной тьмой. После этого девушка поняла, что ее здесь больше не держат.

Ее не волновало странное поведение людей в этом месте. Правда, под флером безразличия томилась ее душа, которая не хотела мириться с этим. Но она была заперта в самом потаенном уголке сознания вместе с памятью, пока тело выполняло свою миссию.

Сейчас не она управляла собой, а невидимая сила. И, расправив плечи, девушка продолжила подниматься по лестнице. Последние ступени привели ее в дивный сад, который словно сошел с тех диких фресок, что она видела внизу.

На цветущих деревьях щебетали птицы. Их звонкие трели перекликались с тихим журчанием фонтана у старой яблони. Вода стекала по темному камню чаши и падала в бассейн мягкими серебряными струями.

Ветви яблони гнулись под тяжестью налитых солнцем плодов. Алые, блестящие, они казались почти нереальными — слишком сочными, слишком совершенными.

Желудок девушки болезненно сжался, напоминая о пустоте.

Не раздумывая, она шагнула вглубь сада.

Трава была прохладной и густой. Кровоточащие ступни Рэйны утопали в ней, и потому шаги получались почти бесшумными.

Сад жил своей спокойной жизнью — солнечный, наполненный ароматом яблок и жасмина. На секунду Рэйне показалось, что это место слишком совершенно, словно создано для греха. На этом фоне девушка выглядела чужой. Ее кожа казалась серой, одежда — изорванной и грязной, а засохшая кровь на руках и ногах выглядела почти варварским кощунством среди этой безупречной красоты.

Но она продолжала идти дальше, пока внезапная слабость не ударила по телу так резко, что колени подогнулись.

Рэйна схватилась за ближайшую статую и лишь тогда поняла, что опирается на каменного змея. Его кольца обвивали пьедестал, уходя вверх вокруг фигуры красивой женщины. Камень был гладким и прохладным. Он приятно охлаждал изможденную спину.

Девушка медленно выдохнула. Голова кружилась от голода, но благо яблони были совсем рядом. И вот она уже потянулась к ветке, как из густых зарослей жасмина на дорожку вышел мужчина.

В тот же миг оцепенение, державшее ее до этого, рассыпалось.

Незнакомец сначала ее не заметил. Он шел медленно, будто прогуливался. Под ногами мягко шуршал гравий садовой дорожки.

Рэйна воспользовалась этим мгновением, чтобы его рассмотреть из своего убежища, надежно скрытого листвой кустов в человеческий рост.

Мужчина был редкостной красоты. Движения изящны и грациозны, как у большой дикой кошки. В них чувствовалась сила, но и небрежная грация, свойственная существам, привыкшим к власти.

Черные волосы чуть ниже мочек ушей мягко поблескивали в солнечном свете. Свет скользил по безупречной коже и отражался в изумрудных глазах.

В руках он держал книгу в старом переплете. На его губах играла лениво-насмешливая улыбка.

Рэйна решила, что он пройдет мимо. Как все, кого она уже встретила в Меласе. Поэтому она сорвала с ветки яблоко, больше не скрываясь.

Хруст ветки прозвучал неожиданно громко. Мужчина обернулся. Их взгляды встретились.

Время остановилось. Все вокруг — птицы, ветер, журчание воды — будто исчезло. Мир сузился до его лица.

Зрение девушки внезапно стало болезненно четким. Она увидела непослушную прядь волос, выбившуюся из его прически. Как свет играет в его глазах — глубоких, как темная вода. Его красивые губы, изогнувшиеся в улыбке, и маленький зеленый листик, зацепившийся за его камзол.

Она моргнула. Наваждение исчезло.

Перед глазами поплыло. Девушка даже покачнулась. Но затем сделала три глубоких вдоха, и дурнота отступила.

Но незнакомец по-прежнему стоял там же, где и до этого.

Он был одет во все черное. На фоне зелени сада он выглядел так, будто соткан из ночи. И выделялся здесь так же, как и она.

Только он — величием. А сама девушка...

Выскользнув из ее ладони, яблоко покатилося по траве и тихо стукнулось о его сапог.

Девушка уловила во взгляде мужчины изумление. И узнавание.

Или ей это лишь показалось?

Подняв с травы плод, незнакомец медленно приблизился к ней.

Безупречно скроенная одежда подчеркивала его великолепное телосложение. Он улыбался как хищник, увидевший жертву.

— Кто ты?

Собственный голос показался ей чужим.

Она отошла от статуи, готовясь бежать. Но мужчина вдруг остановился и внимательно посмотрел на нее. Сначала она решила, что он разглядывает ее грязные лохмотья. Вот только его взгляд был прикован к маленькому лоскутку ткани на ее плече. И только спустя мгновение он с явным усилием поднял глаза к ее лицу.

Воздух между ними будто сгустился. Казалось, вот-вот разразится буря. Рэйна чувствовала каждой клеткой тела — этот незнакомец смертельно опасен.

Неприятное предчувствие только усилилось, когда мужчина спокойно произнес:

— Раз уж мы в Райском саду, значит, я — Саргón, — он одарил ее ленивой полуулыбкой. — А кто же ты?

В саду стало тихо. Даже птицы смолкли. Будто само место боялось произносить его имя.

Девушка могла поверить, что перед ней сейчас стоял тот самый лжебог Хаоса, ведь она ощущала его опасную силу и коварство. Вот только его голос был мягким, как шелк, обволакивал разум и тело, плавил преграды, мешающие ей продолжить разговор.

Вот они и встретились, как и предупреждала та незнакомка с косами. Но она не помнила собственного имени. Не помнила ничего о себе или о том, кем являлась. Хотя... она же назвала ее Рэйной, верно?

Выходит, самое время назвать себя.

— Раз уж имя Саргон уже занято, тогда я — Рэйна, — ответила она.

Теперь, когда он был совсем близко, она еще явнее почувствовала волны силы, исходящие от этого мужчины. За его спиной сгущались тени, хотя они были лишь отголосками той ночной темноты, которая из него сочилась.

Его глаза прищурились. В них мелькнуло одобрение, вызванное ее напускной храбростью.

— Дерзкая, однако. — Он протянул ей яблоко, ухмыльнувшись. — Кажется, это твое.

— Спасибо, — ответила Рэйна.

Она надкусила яблоко — сладкий сок мгновенно наполнил рот. Но через секунду его вкус показался странным, поэтому девушка резко отбросила плод в кусты. И поспешила покинуть странного мужчину, направившись в противоположный конец сада. Ведь все внутри нее кричало: «Беги!», хотя она и догадывалась, что от своей судьбы она убежать уже не могла.

Кровь стучала в ее висках, левое запястье пылало, словно его жгли раскаленным железом. Она слышала шуршание гравия на дорожке за спиной: к несчастью, назвавшийся Саргоном увязался за ней.

Рэйна дошла до сверкающих на свету железных дверей лифта и нажала на кнопку.

— Лифт не придет, — лениво сказал он. — Можешь не тратить силы.

Рэйна неожиданно фыркнула. Поверит она ему, конечно! Она молилась, чтобы он не заметил, как трясутся ее плечи.

Съеденный кусок яблока упал в желудок ледяным камнем. После всплеска жары, окатившей тело, этот холод был убийственным. И он медленно покрывал льдом все ее внутренности.

Саргон снова открыл рот, но не успел произнести и слова, как дверцы лифта распахнулись, впуская Рэйну внутрь. Она юркнула в прохладу кабинки и немного расслабилась, хотя Саргон торопливо зашел следом.

Она, не думая, нажала на кнопку самого верхнего этажа. Руку саднило, а в груди снова закипала ярость, согревая спасительным теплом. Лифт плавно двинулся вверх, вызывая еще большее удивление ее спутника.

— Зачем ты пошел за мной? — уточнила у него Рэйна. Этот вопрос мучил ее, но из-за незавершенной инициации все ее мысли текли медленно. И она не могла в должной мере выстраивать логичные цепочки в голове, как и сильно удивляться происходящему.

Саргон же лениво, как кот, потягивался у одной из зеркальных стен лифта. Его изумрудные глаза хитро блестели. Ее вопрос он будто бы пропустил мимо ушей и лишь лукаво улыбался. Это еще больше выводило ее из себя.

Когда ладони девушки сжались в кулаки, Саргон промурлыкал:

— Хочу проследить, чтобы ты не украла тут ничего. А то от такой оборванки, как ты, жди неприятностей.

Двери лифта отворились в тот самый момент, когда девушка уже была готова вцепиться ногтями в красивое лицо этого мужчины. Шумно дыша, она вывалилась на открытую смотровую площадку, пиная попадававшиеся ей на пути камушки.

На секунду у нее перехватило дыхание — они стояли на самой высокой точке этого здания, подвластного лишь неимоверно сильным ветрам. На глаза тотчас навернулись слезы.

Очередной порыв воздуха чуть было не сбил Рэйну с ног, грозя толкнуть в открытое воздушное пространство — в паре шагов площадка обрывалась. Защитных ограждений не было. Но в последний момент чья-то рука резко дернула ее назад. Сильная грудь ударила в спину. Пальцы Саргона сомкнулись на ее талии.

Казалось, ветер для Саргона был лишь досадной помехой. Тени вокруг него ожили, сплетаясь в барьер. Оказавшись под защитой от ветра, Рэйна широко раскрыла глаза. Вид, открывающийся на лежащий под их ногами город и лес, был невероятно чарующим. Рэйна вывернулась из объятий Саргона и медленно подошла чуть ближе к краю. Его тени по-прежнему окутывали их фигуры, но не мешали видеть то, что было недоступно глазу изнутри здания.

Стояли они на смотровой площадке невероятно высокого замка, чья крыша резко уходила по наклонной вниз. Она врезалась в парапеты и остроконечные витые шпили готических башен, пока не обрывалась, открывая их взорам миниатюрный городок. С такой высоты он казался игрушечным: домишки были пугающе далеко, как и озерцо с лесом. За ним клубились лишь бесконечные облака, а за лесом — сгустки серого тумана. Ни полей. Ни рек. Ни моря. Будто в этом мире существовали только город, лес, озеро и замок.

Рэйна попятилась и уперлась в чью-то грудь. Резко обернувшись, она хмуро взглянула на Саргона.

За все время, что они стояли на крыше, Саргон не произнес ни слова.

Но Рэйна чувствовала его взгляд.

Мужчина снова попытался придержать ее за локоть, но Рэйна вырвала свою руку и пошла к середине смотровой площадки.

— Забавно, — его голос стал тише. — Все бегут от меня. А ты — наоборот.

Его тени на мгновение потянулись к ней — будто хотели удержать. Но Рэйна продолжила идти, не слушая и не вникая в смысл его слов.

Все внутри нее звало и манило к пустоте, что ждала ее посередине этой площадки. Там каменный пол обрывался, образуя круглую бездну, достаточно широкую, чтобы человек исчез в ней без следа.

Подойдя к краю, она теперь смотрела не за пределы дворца, а в глубь. В его сердце расположилось темное озеро — крошечное мерцающее пятно по ту сторону пропасти.

Рэйна поднялась на самый пик, преодолев тысячи ступеней. Отсюда озеро казалось ей одновременно далеким и близким. Теперь девушку и водную гладь разделяло лишь воздушное пространство. Когда каменная крошка сорвалась из-под ее ступней и исчезла в жерле дворца, Рэйна шумно сглотнула.

Она знала, что должна сделать.

Это был ее *рубеж*.

Вода приветственно перемигивалась с ней, зовя к себе. Ей стоило сделать лишь шаг — и она бы сорвалась вниз.

Саргон встал рядом. Заглянув в яму, присвистнул.

— Неужели ты и в самом деле прыгнешь? — улыбнулся он. — Хотел бы я назвать тебя храброй, вот только все указывает на то, что у тебя отсутствует инстинкт самосохранения.

Рэйна ответила ему неприличным жестом. Саргон только усмехнулся и подмигнул.

Он сосредоточенно что-то рассматривал, откровенно пялясь на нее. Девушка не выдержала и спросила:

— Что?

Его лицо вдруг стало серьезным и собранным. Исходящая от него сила теперь за клубилась тенями у его волос. Маленькие звезды то гасли, то вспыхивали в этой тьме.

Ей на мгновение показалось, что он что-то для себя решил. Что-то, определенно играющее ей на пользу. И тут вдруг Саргон совершенно неожиданно вытащил из-под камзола круглый золотой кулон на цепочке и показал его Рэйне со словами:

— Ни в коем случае не отдавай ее им. Спрячь под язык.

Вот только спросить, что это такое, Рэйна не успела.

Внезапный порыв ветра сорвал ее с края. И она вскрикнула, камнем падая вниз. Лишь на мгновение Рэйна снова увидела Саргона, с лица которого схлынула вся серьезность. Он лениво отсалютовал ей.

А после ее тело, стремительно сокращающее расстояние до дна озера, окутала тьма. Рэйна уловила запах ладана и мускатного ореха.

— *До скорой встречи, Рэйна,* — мурлыкнула тьма голосом мужчины и растворилась, стоило девушке коснуться воды.

И следом тьма сомкнулась вокруг нее, погружая в ледяные оковы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.